

БЕСЕДА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ГЕРМАНИИ В.Г. ДЕКАНОЗОВА С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ И. РИББЕНТРОПОМ

Разослано: т. Молотову, т. Вышинскому, Генсекретариат

12 декабря 1940 г.
Секретно

Риббентроп [Ribbentrop] встретил меня словами, что мне уже знаком этот кабинет, в котором происходила беседа Молотова с ним. Он сказал, что не думал, что я приеду в Берлин в качестве посла, но они рады приветствовать меня на этом посту, как доверенное лицо Сталина и Молотова. Я ответил, что сам тогда не знал, что буду послом в Берлине, но что я рад этому. Риббентроп сказал, что он получил телеграмму от графа Шуленбурга [Schulenburg], из которой видно, что я хочу возможно скорее вручить свои верительные грамоты Гитлеру. Вручение верительных грамот задержалось ввиду военного времени. Фюрера сейчас нет в Берлине, но он сообщал Риббентропу, что, вероятно, в середине будущей недели или в течение ее он примет советского посла. Риббентроп сегодня вечером уезжает из Берлина, вернется на будущей неделе и будет присутствовать при вручении мною верительных грамот Гитлеру. Я заметил, что такого своего желания вручить возможно скорее верительные грамоты я не высказывал, но что я понимаю из этого сообщения графа Шуленбурга, о котором говорит министр, что, видимо, советское правительство хотело бы, чтобы его посол мог приступить к исполнению своих обязанностей. Я добавил, что своим пребыванием в Берлине доволен и всегда нахожусь в распоряжении Риббентропа.

Риббентроп стал меня расспрашивать, грузин ли я, был ли я знаком со Сталиным с детства, из какой местности я происхожу. Я ответил, что грузин, родные мои происходят из местности, которая называется Карталиния, что с детства я с т. Сталиным знаком не был, указав при этом на разницу лет между мною и т. Сталиным. Воспользовавшись разговором на эту тему, я передал Риббентропу портрет т. Сталина, сказав при этом, что должен извиниться за задержку в передаче этого портрета, так как хотел передать его г-ну Риббентропу только лично. Риббентроп был очень польщен вниманием, рассматривал портрет, нашел его очень хорошим, просил передать Сталину его сердечную благодарность и добавил, что будет хранить этот портрет как воспоминание о своем пребывании в Москве, встречах со Сталиным и как память о пакте, который тогда был заключен. Он помнит эти дни, так как тогда был сделан важный шаг, который, как он надеется, принесет такие же успехи в будущем. Я присоединился к этому заявлению Риббентропа. Затем Риббентроп интересовался, прибыла ли со мной жена, есть ли у меня дети, какого возраста. Риббентроп сообщил, что у них есть дипломаты, которые в течение 20 лет не были в Германии. Риббентроп отметил при этом отрицательную сторону, когда дети таких дипломатов воспитываются вне своей родины. Теперь они (правительство) стараются через каждые 3—4 года отзывать своих дипломатов, находящихся за границей, в центр для работы в Министерстве иностранных дел. Пока провести это мероприятие в полной мере трудно. Частая смена дипломатов, по мнению Риббентропа, также нецелесообразна, так как послы, побывавшие продолжительное время на своем посту, имеют налаженные связи, знают страну и т. д. Он выразил надежду, что война еще не долго продлится и тогда я буду свидетелем большого строительства в Германии, которое намечено грандиозным планом фюрера. Риббентроп спросил, известен ли мне план, который имеет д-р Лей [Leu]. Я ответил, что знаком с ним в общих чертах, в частности слышал о намечающемся жилищном строительстве в Германии. Риббентроп изложил план строительства 300.000 квартир, сказал, что кроме этого намечается строительство домов малого типа в поселках, отметил, что квартирная плата в городских домах не будет

превышать 30 марок в месяц, что намечается тип квартиры в 6—5 комнат, что это связано с необходимостью создать необходимые условия для роста населения, для здоровья детей и прочее. Я, в свою очередь, рассказал Риббентропу, что у нас для закрепления рабочей силы на селе давно уже практикуется строительство небольших домов, в частности в совхозах, что такие дома бывают, как правило, с огородами и т. д. Затем Риббентроп стал говорить, что осуществление их планов строительства возможно только благодаря вмешательству государства, контролирующего частную инициативу. Кроме того, необходимое воспитание молодежи в соответствующем духе выполняется у них национал-социалистической партией. С окончанием войны предстоит решить большие задачи. Он, Риббентроп, уверен, что этот момент (окончание войны) скоро наступит. Воспользовавшись случаем, я спросил, каким сроком определяет Риббентроп окончание войны. Риббентроп ответил, что трудно-де сказать точно, но он уверен, что в течение будущего года. Положение в Англии тяжелое. Тут он начал повторять все то, о чем он и Гитлер пространно говорили в бытность В.М.Молотова в Берлине: что Германия уже выиграла войну, важно, чтобы англичане поняли и заметили, что у них нет никакой возможности нанести серьезный ущерб Германии. Черчилль [Churchill] ведет еще свою пропаганду, но Риббентроп думает, что некоторые члены английского правительства поняли уже, что Англия не выигрывает войну. Гитлер несколько раз делал мирные предложения Англии, но та их отклоняла. Фюрер заявил после этого, что не пойдет ни на какой компромисс. У фюрера много идей, и он хочет возможно быстрее окончить войну, но с возможно малыми жертвами. Риббентроп сказал, что желает мне хорошей жизни в Берлине. Он знает, что я пользуюсь особым доверием Сталина и Молотова, и поэтому они особенно рады приветствовать меня на моем посту. На будущей неделе, после приема у Гитлера, он, Риббентроп, будет иметь достаточно возможности, чтобы переговорить со мной по вопросам, касающимся будущих отношений между нашими государствами. Он надеется также продолжить переговоры, которые он вел с т. Молотовым. Я еще раз подтвердил свою готовность в любое время к беседе с министром и попросил его разрешения переговорить с ним по одному вопросу, которому мое правительство придает значение. Получив его согласие, я сообщил Риббентропу, что, по полученным от нашего посла в Стокгольме сообщениям, между Швецией и Финляндией подготавливается соглашение о подчинении внешней политики Финляндии Стокгольму. Коллонтай сообщает об этом со слов министра иностранных дел Швеции г-на Гюнтера [Günther] и финского посланника в Стокгольме г-на Казашерна [Wasastjerna]. Я спросил Риббентропа, что ему известно по этому вопросу и каково отношение к этому германского правительства. Я добавил при этом, что отношение советского правительства к такому соглашению резко отрицательное. Я упомянул при этом о советско-финляндском договоре от 12 марта 1940 года и сказал, что советское правительство считает, что подписавшая этот договор Финляндия может рассматриваться только как независимое финляндское государство, могущее обеспечить выполнение взятых по Договору обязательств, а не в качестве вассального государства, внешняя политика которого подчинена какому-либо третьему государству. Риббентроп ответил, что ему ничего подобного не известно и он также не думает, чтобы подготавливалось такое соглашение. В Швеции такие мысли можно слышать, но нельзя предполагать, чтобы у Финляндии и у Швеции были серьезные намерения заключить подобное соглашение. Я сказал, что должен добавить, что, по мнению Коллонтай, из намеков, которые были сделаны в ее беседах с упомянутыми лицами, можно было понять, что цель этого предполагаемого соглашения состоит в том, чтобы высвободить Финляндию из-под влияния Германии. Я еще раз заявил о резко отрицательном отношении к этому вопросу со стороны моего правительства. Риббентроп заявил, что перед ними этот вопрос не ставился и он не допускает наличия здесь серьезных намерений. Конечно, финны и шведы — родственные народы, и появление таких мыслей возможно, но до этого не доходили.

Беседа продолжалась около часа. На приеме присутствовал шеф протокола барон Дернберг. Присутствовал и переводил т. Павлов и немец-переводчик.

В.ДЕКАНОЗОВ

АВП РФ, ф.082, оп. 23, п.95, д.б, л.285—290.

Источник: Министерство Иностранных Дел Российской Федерации. Документы внешней политики. 1940—22 июня 1941. XXIII:2. № 584. Москва: Междунар. отношения, 1998.

TALK OF THE Plenipotentiary Representative of the USSR IN GERMANY V.G.
DEKANOZOVA WITH THE MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF GERMANY
J. RIBBENTROP

Sent to: Comrade Molotov, Comrade Vyshinsky, General Secretariat

December 12, 1940
Secret

Ribbentrop greeted me with the words that I was already familiar with this office, in which Molotov's conversation with him took place. He said that he did not think that I would come to Berlin as an ambassador, but they are happy to welcome me to this post, as a trusted person to Stalin and Molotov. I replied that I myself then did not know that I would be ambassador to Berlin, but that I was glad of that. Ribbentrop said that he had received a telegram from Count Schulenburg, which showed that I wanted to present my credentials to Hitler as soon as possible. The presentation of credentials was delayed due to wartime. The Fuehrer is not in Berlin at the moment, but he informed Ribbentrop that he would probably receive the Soviet ambassador in the middle of the next week or during it. Ribbentrop leaves Berlin tonight, he will return next week and will be present when I present my credentials to Hitler. I noticed that I did not express such a desire to present my credentials as soon as possible, but what I understand from this message from Count Schulenburg, about whom the minister says, that apparently the Soviet government would like his ambassador to be able to take up his duties. I added that I was pleased with my stay in Berlin and was always at Ribbentrop's disposal. that I am satisfied with my stay in Berlin and am always at Ribbentrop's disposal. that I am satisfied with my stay in Berlin and I always am at Ribbentrop's disposal.

Ribbentrop began to ask me if I was Georgian, if I knew Stalin from childhood, where I came from. I replied that Georgians, my relatives come from the area called Kartalinia, that since childhood I had not known Comrade Stalin, pointing out the difference in years between me and Comrade Stalin. Taking advantage of the conversation on this topic, I gave Ribbentrop a portrait of Comrade Stalin, saying that I must apologize for the delay in the transfer of this portrait, since I wanted to give it to Mr. Ribbentrop only in person. Ribbentrop was very flattered by the attention, examined the portrait, found it very good, asked to convey to Stalin his heartfelt gratitude and added that he would keep this portrait as a memory of his stay in Moscow, meetings with Stalin and as a memory of the pact that then was concluded. He remembers these days as an important step was taken then, which he hopes will bring similar successes in the future. I subscribe to this statement by Ribbentrop. Then Ribbentrop asked if my wife had arrived with me, if I had children, what age. Ribbentrop said they have diplomats who have not been to Germany for 20 years. Ribbentrop noted the negative side when the children of such diplomats are brought up outside their homeland. Now they (the government) are trying every 3-4 years to recall their diplomats abroad to the center to work in the Ministry of Foreign Affairs. So far, it is difficult to carry out this event in full. A frequent change of diplomats, according to Ribbentrop, is also inappropriate, since the ambassadors who have been in office for a long time have established contacts, know the country, etc. He expressed hope that the war will not last long and then I will witness a great construction in Germany, which is outlined by the grandiose plan of the Fuehrer.

Ribbentrop asked if I knew of the plan that Dr. Ley has. I replied that I knew it in general terms, in particular, I had heard about the planned housing construction in Germany. Ribbentrop outlined a plan for the construction of 300,000 apartments, said that in addition to this, it was planned to build small-type houses in the villages, noted that the rent in city houses would not exceed 30 marks per month, that the type of apartment in 6-5 rooms was planned, which is due to the need to create the necessary conditions for population growth, for

the health of children, and so on. I, in turn, told Ribbentrop that we have been building small houses for a long time to secure the workforce in the countryside, in particular, in state farms, that such houses are, as a rule, with vegetable gardens, etc. Then Ribbentrop began to say that the implementation of their construction plans is possible only thanks to the intervention of the state, which controls private initiative. In addition, the necessary education of young people in the appropriate spirit is being carried out by the National Socialist Party. With the end of the war, great tasks will have to be solved. He, Ribbentrop, is confident that this moment (the end of the war) will soon come. Taking the opportunity, I asked how long Ribbentrop takes to the end of the war. Ribbentrop replied that it was difficult to say for sure, but he was sure that within the next year. The situation in England is dire. Then he began to repeat everything that he and Hitler spoke at length when V.M. Molotov was in Berlin: that Germany had already won the war, it is important, so that the British understand and notice that they have no way of causing serious damage to Germany. Churchill is still carrying on his propaganda, but Ribbentrop thinks that some members of the British government have already realized that England will not win the war. Hitler made several peace proposals to England, but England rejected them. The Fuehrer said after that that he would not make any compromise. The Fuehrer has a lot of ideas, and he wants to end the war as quickly as possible, but with as few casualties as possible. Ribbentrop said he wished me a good life in Berlin. He knows that I enjoy the special confidence of Stalin and Molotov, and therefore they are especially happy to welcome me to my post. Next week, after Hitler's reception, he, Ribbentrop, will have ample opportunity to speak with me on questions concerning the future relations between our states. He also hopes to continue the negotiations that he had with Comrade Molotov. I once again confirmed my readiness at any time to talk with the minister and asked for his permission to talk with him on one issue to which my government attaches importance. Having received his consent, I informed Ribbentrop that, according to reports received from our ambassador in Stockholm, an agreement was being prepared between Sweden and Finland on the subordination of Finland's foreign policy to Stockholm. Kollontai reports on this from the words of the Minister for Foreign Affairs of Sweden, Mr Günther, and the Finnish envoy to Stockholm, Mr Wasastjerna. I asked Ribbentrop what he knew on this question and what was the attitude of the German government to this. I added with this, that the attitude of the Soviet government to such an agreement is sharply negative. At the same time, I mentioned the Soviet-Finnish treaty of March 12, 1940, and said that the Soviet government believed that Finland, which had signed this treaty, could only be regarded as an independent Finnish state capable of ensuring the fulfillment of its obligations under the Treaty, and not as a vassal state, whose foreign policy is subordinate to some third state. Ribbentrop replied that he either knew nothing and that he also did not think that such an agreement was being prepared. In Sweden such thoughts can be heard, but it cannot be assumed that Finland and Sweden have serious intentions to conclude such an agreement. I said that I should add that, according to Kollontai, from the hints, which were made in her conversations with the persons mentioned, it could be understood that the purpose of this alleged agreement is to free Finland from the influence of Germany. Once again, I have stated a sharply negative attitude towards this issue on the part of my government. Ribbentrop said that this question was not raised before them and that he did not admit that there were serious intentions here. Of course, the Finns and the Swedes are kindred peoples, and the appearance of such thoughts is possible, but they never came to that.

The conversation lasted for about an hour. The reception was attended by the chief of protocol, Baron Dernberg. Comrade Pavlov and a German translator were present and translated.

V. DEKANOZOV

Source: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Foreign policy documents. 1940-22 June 1941. XXIII: 2. No. 584. Moscow: Intern. relations, 1998.